

ТВОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ЛОЖЬ

МЭРИ КУБИЦА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
K88

Mary Kubica
EVERY LAST LIE

©2017 by Mary Kyrychenko

«Все права защищены, включая право на полное или частичное воспроизведение в любой форме. Это издание издается по договоренности с Harlequin Books S.A. Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора, или используются вымышленно, и любое сходство с реальными лицами, живыми или мертвыми, коммерческими предприятиями, событиями или местами совершенно случайны».

Кубица, Мэри.

K88 Твоя последняя ложь / Мэри Кубица ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Tok. Domestic-триллер. Тайны маленького городка).

ISBN 978-5-04-222952-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Мир Клары Солберг рушится в один миг: ее муж Ник погибает в автокатастрофе. К счастью, их четырехлетняя дочь Мейси осталась невредимой. Полиция считает случившееся несчастным случаем... до тех пор, пока Мейси не начинает страдать от ночных кошмаров, в которых всплывают тревожные детали того рокового дня. Сомнения Клары в официальной версии событий только растут: что же на самом деле произошло в тот злополучный вечер?

Раздираемая горем и навязчивой мыслью, что гибель Ника — не случайность, Клара отчаянно ищет правду. Кто мог желать смерти ее мужу? И, главное, почему? Ради ответов она готова на все — и очень скоро узнает, что правда — лишь начало этой запутанной истории, полной тайн и обмана.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-222952-7

© Лисочкин А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Маме и папе, моим главным поклонникам

Говорят, что смерть приходит тройками. Сначала это был тот мужчина, который жил через дорогу от моих папы с мамой, — мистер Баумгартнер, умерший от рака простаты в возрасте семидесяти четырех лет. Затем — моя бывшая одноклассница, всего двадцати восьми лет от роду, жена и мать, умершая от легочной эмболии — тромба, который угодил прямоком в легкие.

А потом это был Ник.

Я сижу на диване, когда рядом со мной начинает звонить телефон. На экране высвечивается имя Ника; его знакомый голос на другом конце провода звучит точно так же, как и в любой из тех тысяч раз, когда он мне звонил. Но на сей раз все по-другому, потому что звонит он мне в последний раз.

— Ку-ку, — говорит Ник.

— И тебе ку-ку.

— Ну как там делишки? — спрашивает он.

— Нормально, — отвечаю я ему.

— Феликс спит?

— Угу, — отвечаю я. Так вот обычно и поступают новорожденные: гулеванят всю ночь, а потом весь день спят как убитые. Феликс лежит у меня на руках, просто

приковав меня к этому дивану. Я больше ничем не могу заняться, кроме как смотреть, как он спит. Феликсу четыре дня и три часа. Еще через семнадцать минут ему исполнится четыре дня и четыре часа. Роды были долгими и напряженными, как это почти всегда и бывает. Несмотря на эпидуральную анестезию, было жутко больно — целых три часа тужилась, хотя вроде бы каждые следующие роды должны проходить легче. С Мейси все прошло легко и быстро, а вот с Феликсом пришлось помучиться.

— Может, стоит разбудить его? — предлагает Ник.

— И как ты себе это представляешь?

В моих словах нет злости. Они звучат устало. Ник это понимает. Он знает, насколько я вымоталась.

— Ну не знаю... — говорит Ник, и я почти слышу пожатие плеч в этих его словах, вижу усталую, но все равно мальчишескую улыбку Ника на другом конце линии, его обычно чисто выбритое лицо, на котором в это время дня начинают проявляться намеки на коричневую щетину, под носом и на подбородке. Его слова звучат приглушенно. Телефон выскользнул у него из-под щеки, и я слышу, как он шепчет Мейси в сторонку: «Давай-ка сходим на горшок перед отъездом», и представляю, как его умелые руки быстро меняют бледно-розовые балетки на ярко-розовые пластиковые кроксы. Вижу, как Мейси извивается у него в руках, дрыгая ногами. Мейси хочет опять присоединиться к компании других четырехлеток, которые упражняются в неуклюжих растяжках и наклонах с касаниями пальцев ног.

«Ну папочка-а... — хнычет она тоненьким голоском. — Мне сейчас не нужно на горшок!»

И твердая, но нежная команда Ника: «Давай-ка все-таки попробуй».

Ник — просто идеальный родитель. Я склонна уступать и соглашаться, устало бросив: «Ну ладно», но только лишь для того, чтобы пожалеть об этом, когда за три мили до дома Мейси вдруг сдвигает коленки и кричит, что ей срочно нужно в туалет, и в глазах у нее стыд, который говорит мне, что в туалет ей уже поздно.

Голос Мейси затихает в девчоночьем тубзике, и Ник опять на телефоне.

— Захватить что-нибудь готового на ужин? — спрашивает он.

А я смотрю на Феликса, который крепко спит на моем все еще выпирающем животе. Грудь у меня сочится, и на белой хлопчатобумажной блузке расплываются влажные пятна. Я сижу на пакете со льдом, чтобы облегчить послеродовые боли. Потребовалась эпизиотомия, наложены швы, кое-где просачивается кровь. Сегодня я не была в душе, а те часы, которые мне удалось поспать за последние четыре дня, можно пересчитать по пальцам одной руки. Веки у меня тяжелеют, угрожая окончательно закрыться.

В телефоне опять голос Ника.

— Клара, — говорит он, на сей раз принимая решение за меня, — давай все-таки возьму что-нибудь по дороге. Мы с Мейси скоро будем дома. А потом ты сможешь отдохнуть, — говорит он, и наш вечерний распорядок будет примерно таким: я посплю, а Ник разбудит меня, когда придет время кормить Феликса. А потом наступит полночь — Ник пойдет спать, а я проведу остаток ночи без сна, опять с неугомонным Феликсом на руках.

— Китайскую или мексиканскую? — спрашивает он, и я отвечаю, что китайскую.

Это последние в моей жизни слова, которыми я общиваюсь со своим мужем.

* * *

Я жду вроде уже целую вечность, уставившись в сплошную черноту безжизненного экрана телевизора, пульт от которого высовывается из-под пестрой подушки на кожаном диванчике в другом конце комнаты. Я не могу рисковать тем, чтобы разбудить Феликса, подобрав его. Я не хочу будить Феликса. Перевожу взгляд с телевизора на пульт и обратно, как будто могу включить телевизор при помощи какой-то мозговой телепатии, чтобы избежать всепоглощающей скуки и тех занудно повторяющихся действий, которые сопровождают уход за младенцем — есть, спать, какать, повтор, — с помощью нескольких минут «Колеса фортуны» или вечерних новостей.

Когда же Ник наконец вернется домой?

Харриет, наша рыжая бордер-колли — правильно ее окрас именуется «ред-мерль», — лежит у моих ног, свернувшись клубочком и почти сливаясь с джутовым ковриком, — тоже часть обстановки, а также наша охранница. Шум машины она слышит раньше меня. Одно из ее заостренных ушей встает торчком, и Харриет тут же поднимается с коврика.

Я тщетно жду звука открывающейся двери гаража и того момента, когда из-за стальной двери в дом с разбегу ворвется Мейси, кружась, как маленькая балерина, по деревянному полу. В животе у меня уже урчит при мысли, что скоро можно будет поесть. Я здорово проголодалась.

Но вместо этого от входной двери доносится что-то вроде покашливания, кто-то деловито стучит, и Харриет понимает, что это не Ник.

Я встаю с дивана и открываю дверь.

Передо мной стоит какой-то мужчина, который что-то мне говорит, но я никак не могу уловить смысла

его слов. Они парят в пространстве между нами, словно какие-то юркие светлячки, и быстро уворачиваются, когда я пытаюсь поймать их.

— Вы миссис Солберг? — спрашивает он, и когда я отвечаю, что да: — Произошел несчастный случай, мэм.

На нем черная рубашка и черные же брюки. На рубашке — какие-то нашивки и значок. На машине, которая стоит на нашей подъездной дорожке, написано «Служить и защищать».

— Мэм? — произносит мужчина, когда я ему не отвечаю. Феликс оттягивает мне руки, словно пакет с картошкой. Весь обмякший, он все еще спит и с каждой секундой становится все тяжелее. Харриет сидит у моих ног, пристально глядя на этого незнакомого человека перед дверью.

Хотя мои уши слышат его слова, мозг неспособен их обработать. Я виню в этом недостаток сна — или, может, это просто отрицание... Смотрю на мужчину передо мной и лишь гадаю: «Чего он от меня хочет? Что он пытается мне продать?»

— Это может подождать? — спрашиваю я, прижимая Феликса к груди, чтобы этому человеку не были видны влажные пятна от молока на моей рубашке.

Все внутри налилось тяжестью, ноги горят. Я прихрамываю — тоже последствие родов.

— Мой муж скоро будет дома, — обещающе произношу я. — Буквально с минуты на минуту. — И вижу сделанное сочувствие на бесстрастном лице мужчины. Он уже проделывал это раньше, множество раз. Я говорю ему, что Мейси занимается балетом, что Ник уже наверняка подъезжает к дому, пока мы тут разговариваем, что он будет здесь с минуты на минуту. Сообщаю этому человеку, что Ник просто заскочил купить что-нибудь на ужин, так что скоро будет дома. Не знаю, зачем я так

много говорю. Открыв дверь пошире, я приглашаю его войти.

— Не хотите подождать в доме? — говорю я и еще раз повторяю, что Ник скоро будет дома.

На улице почти восемьдесят пять градусов тепла¹. Сегодня двадцать третье июня.

Его рука у меня на локте, в другой руке шляпа. Он входит в мой дом, стараясь держаться поближе ко мне, явно готовый подхватить Феликса, если я вдруг упаду.

— Произошел несчастный случай, мэм, — повторяет он.

* * *

Китайскую еду, которую мы обычно покупаем навынос, готовят в маленьком ресторанчике в соседнем городке. Нику нравятся их жареные пельмешки, а мне — супчик с яичными хлопьями. Этот ресторанчик от силы в пяти милях от нас, но от него к нам ведет сельская улочка, скорее даже шоссейка, по которой Ник любит ездить, поскольку старается избегать интенсивного движения на трассе, особенно в час пик. Харви-роуд — ровная как доска, ни одного подъема или спуска. Она совсем узенькая, кое-где едва ли свободно разъедутся две машины, особенно на том почти девяностоградусном повороте, похожем на букву L, — на двойную желтую разделительную линию там мало кто обращает внимания, вслепую выезжая прямо на нее на этом крутом повороте. По всей длине Харви-роуд цепочкой протянулись усадьбы, владельцы которых могут позволить себе увлечение коневодством, — большие, современного вида строения, окруженные оградами из штaketника, за кото-

¹ 85 градусов по Фаренгейту — почти 30 °C. *Здесь и далее — прим. пер.*

рыми пасутся чистокровные английские верховые лошади и американские квотерхорсы¹. Это элитная версия сельской местности, расположенная в укромном уголке между двумя процветающими пригородами, которые, как снежный ком, обрастают многочисленными универмагами, минимаркетами, бензоколонками и стоматологическими кабинетами.

Денек выдался солнечный — из тех чудесных дней, которые сменяются великолепным закатом, подобно рукам царя Мидаса превращающим мир в золото. Солнце висит в небе, словно китайский фонарик, золотое и яркое, сияя прямо в глаза сидящим в машинах, втихаря проникает в зеркала заднего вида, напоминая нам о своем господстве в этом мире, ослепляя водителей независимо от того, в каком направлении — от него или к нему — они едут. Однако солнце — лишь одна из причин этой аварии. Есть еще крутой поворот и слишком высокая скорость Ника — в общем, три вещи, которые столь же плохо сочетаются между собой, как сода и уксус.

Все это он и говорит мне, этот мужчина в черной рубашке и черных брюках, который стоит передо мной, поддерживая меня за локоть в ожидании, что я вот-вот упаду. Вижу, как клин солнечного света падает через открытую входную дверь в мой дом, окрашивая лестницу, потертые полы из орехового дерева и волосики на беззащитной головенке Феликса в золотистый оттенок.

Есть слова и выражения, столь же неуловимые и ускользающие, как и «ДТП»: «несоблюдение скоростного режима», «столкновение», «дерево»...

¹ Американский квотерхорс — порода лошадей, выведенная в США и предназначенная для скачек на короткие дистанции (в то время как чистокровные английские верховые лошади отличаются высокой резвостью на средних дистанциях).

— Кто-нибудь пострадал? — спрашиваю я, зная про привычку Ника ездить слишком быстро, и перед моим мысленным взором возникает картина, как он сталкивается с дороги какую-то другую машину, которая врезается в дерево.

И опять рука у меня на локте — крепкая рука, которая поддерживает меня в вертикальном положении.

— Мэм, — повторяет он. — Миссис Солберг...

Он говорит мне, что никого там не было. Никто не видел, как Ник вошел в поворот на скорости более пятидесяти миль в час¹ и его машина взлетела в воздух, повинаясь исключительно законам физики: скорости, вектору ее направленности и первому закону движения Ньютона, согласно которому движущийся объект остается в движении до тех пор, пока не столкнется с белым дубом.

А я говорю себе вот что: если б я попросила на ужин мексиканскую еду, Ник уже давно был бы дома.

* * *

Лампы дневного света тянутся вдоль потолка, словно вереница машин, вплотную друг за другом остановившихся на светофоре. Их свет отражается от линолеумного пола в коридоре, падая на меня сразу с двух сторон — как, собственно, и все остальное в этот момент наваливается со всех сторон одновременно: Феликс, который вдруг ни с того ни с сего проголодался; мужчины и женщины в медицинских халатах; проносающиеся мимо каталки; чья-то рука на моей руке; чья-то сочувственная улыбка; стакан ледяной воды в моих дрожащих пальцах; холодный жесткий стул; *Мейси*.

¹ 50 статутных миль в час — чуть больше 80 км/ч.

Феликса вдруг больше нет у меня на руках, и на какую-то долю секунды я теряю связь с реальностью. Мой отец уже здесь, стоит прямо передо мной, держа на руках Феликса, а я прижимаюсь к нему, обхватываю его руками, и мой отец тоже обнимает меня. Он худой, но крепкий, мой папа. Волосы у него — не более чем несколько жиденьких серебряных прядей на гладкой в остальном голове, кожа потемнела от пигментных пятен.

— Господи, папочка... — лепечу я и только там, на руках у отца, осознаю правду: мой муж Ник лежит бездыханный на операционном столе, мозг его мертв, хотя жизнь поддерживается аппаратами жизнеобеспечения, в то время как уже составляется список реципиентов, которым достанутся его органы, — тех, кто получит глаза моего мужа, его почки, его кожу... Теперь за него дышит аппарат искусственной вентиляции легких, поскольку мозг Ника больше не способен приказывать легким дышать. Мозговая активность полностью отсутствует, равно как и кровообращение. Вот что говорит мне врач, который стоит передо мной. Мой отец стоит позади меня, и они сейчас словно пара подставок для книг, подпирающих меня и удерживающих в вертикальном положении.

— Я не понимаю... — говорю врачу, больше потому, что отказываюсь в это верить, чем по той причине, что и вправду не понимаю, и он подводит меня к стулу и предлагает сесть. И когда я опять смотрю в его карие сосредоточенные глаза, он объясняет еще раз:

— У вашего мужа черепно-мозговая травма. Которая вызвала отек и кровоотечение в мозгу, — говорит врач, скрестив руки на своей узкой груди. — Внутричерепное кровоизлияние. Кровь растеклась по поверхности мозга...